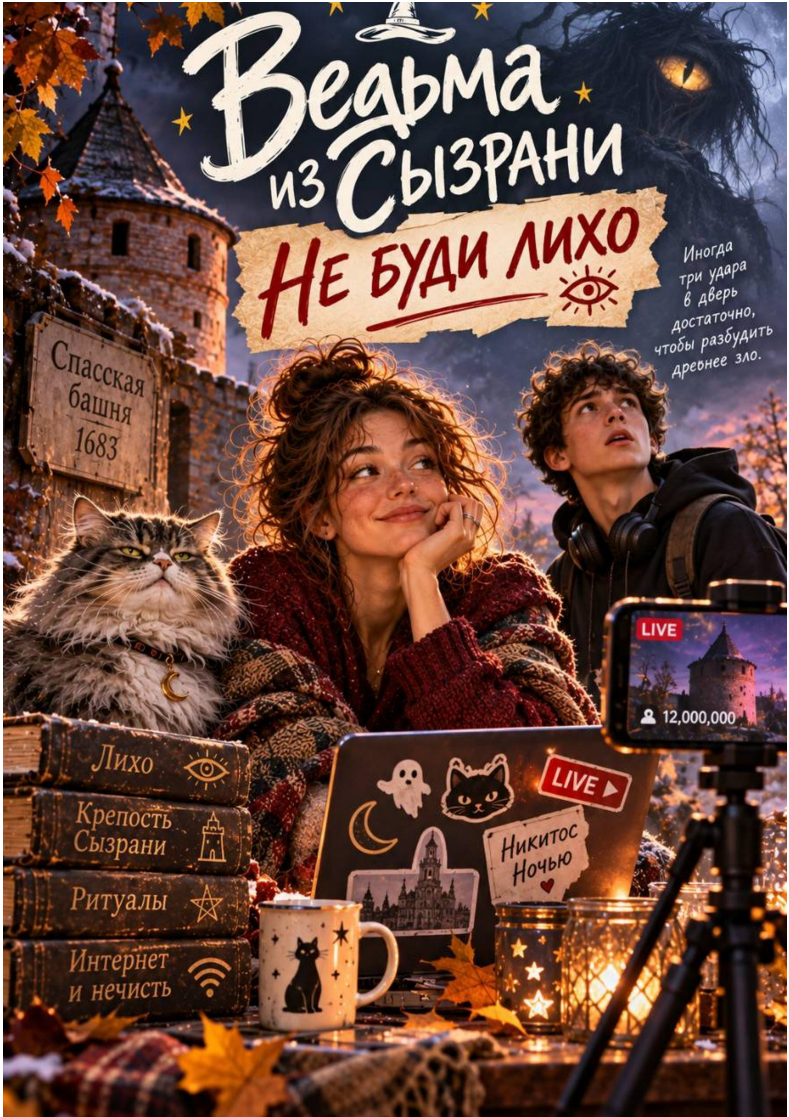

Ведьма из Сызрани
Не буди лихо
Иногда три удара в дверь достаточно, чтобы разбудить древнее зло.
Спасская башня 1683
LIVE
12,000,000
Лихо
Крепость Сызрани
Ритуалы
Интернет и нечисть
LIVE
Никитос Ночью

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Не буди лихо

https://litres.ru/74717938
SelfPub; 2026

Аннотация

Октябрь 2032 года. Пятнадцатилетний Никита, блогер «Никитос Ночью», ради подписчиков устраивает ночной стрим в подвале Спасской башни, последней уцелевшей от сызранской крепости. Там, за маленькой дверью с вырезанным узлом, с 1683 года спит Лихо Одноглазое. Никита стучит три раза — и Лихо садится ему на спину.

С этой минуты к Никите тянется всё невезение города: ломаются табуретки, лопаются чашки, горят телефоны. А запись со жёлтым глазом посмотрели миллионы людей, и беда расползается по всем, кто её видел. Тем временем в Сызрань едет московская звезда Тёма Экстрим, чтобы в ночь на Хэллоуин разбудить Лихо ещё раз, в прямом эфире на двенадцать миллионов.

Чтобы уложить Лихо обратно, нужна одна невозможная вещь: тишина. И просить о ней придётся у самого шумного места на свете — интернета.

Смешная и тёплая история о тишине, детских страхах и о том, как у ведьмы появляется ученик.

Содержание

Глава 1. Челлендж 6
Глава 2. Спасская башня 14
Глава 3. Невезение 23
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Милана Панова
Ведьма из Сызрани. Не буди лихо

Ведьма из Сызрани. Не буди лихо

Серия «Ведьма из Сызрани». Книга четырнадцатая

Глава 1. Челлендж

В октябре две тысячи тридцать второго года к Василисе пришли за удачей. Для кота.

Клиентку звали Элеонора Аркадьевна. Шестьдесят семь лет, бывший директор музыкальной школы, шляпка с вуалеткой, переноска в руках. В переноске — кот. Рыжий. Огромный. Сердитый.

— Это Бетховен, — сказала Элеонора Аркадьевна. Поставила переноску на стол. — Ему не везёт.

— В чём? — спросила Василиса.

— Во всём. — Элеонора Аркадьевна поджала губы. — С сентября. Упал с балкона — третий этаж. Цел. Но обижен. Застрял в стиральной машине. Цел. Но обижен. Съел ёлочную игрушку, — она понизила голос, — в октябре. Где он её нашёл — я не знаю. Ёлка у меня на антресолях. — Пауза. — Ветеринар говорит — характер. А я говорю — сглаз.

Модест на печке открыл один глаз. Посмотрел на рыжего в переноске. Долго.

— Рыжий, — сказал он с бесконечным презрением. — Двести двадцать два года. Ко мне — рыжего. На приём.

Бетховен в переноске зашипел. Он, кажется, всё понял.

Элеонора Аркадьевна, разумеется, услышала «мяу» и «ш-ш-ш».

Василиса посмотрела на нитки.

От Бетховена — во все стороны — шли нитки. Толстые. Рыжие. Нахальные. К хозяйке. К холодильнику. К балкону. К голубям на соседней крыше — особенно толстая. И ещё — одна. Тоненькая. Серая. Колючая. Как репейник. Вниз. Куда-то за город. Нет — в город. В центр. В кремль.

Василиса нахмурилась.

— Элеонора Аркадьевна, — сказала она. — А вы в сентябре — где были? С ним? Вместе?

Элеонора Аркадьевна подумала.

— Нигде, — сказала она. — Дома. — Пауза. — Ну, внук приезжал. Из Самары. Он мне телефон настроил. Чтобы я видео смотрела. — Она достала из сумочки телефон. Новый. В чехле с нотами. — Он мне подписок наставил. Котиков. И ещё какого-то мальчика. Местного. Сказал — «ба, это из Сызрани, прикольный».

— Какого мальчика?

Элеонора Аркадьевна потыкала в экран. Повернула к Василисе.

На экране — канал. Аватарка — подросток в капюшоне, с фонариком, на фоне чего-то тёмного и кирпичного. Название: «НИКИТОС НОЧЬЮ». Подписчиков — сто сорок тысяч.

Последнее видео: «ЧЕЛЛЕНДЖ: НОЧЬ В ЗАБРОШЕННОМ ЦЕХУ НПЗ. ОДИН. БЕЗ СВЕТА. 18+».

Василиса узнала его сразу. Хоть и в капюшоне. Хоть и с фонариком. Хоть и с голосом, который начал ломаться и те-

перь был то басом, то фальцетом.

Никита.

Тарасов Никита. Которому в двадцать шестом году бабушка заговорила ночник. От темноты. Девять лет. Оплата — рисунок с котом. Кот фиолетовый, шестиногий. До сих пор висит у неё на холодильнике.

Теперь Никите было пятнадцать.

— Бетховен со мной смотрит, — сказала Элеонора Аркадьевна. — Всегда. Ему нравится. Особенно где темно и мальчик кричит. — Пауза. — В сентябре мальчик в какой-то подвал лазил. В шахту. Бетховен смотрел — не отрываясь. А на следующий день — с балкона.

Василиса записала в Гроссбух: «Элеонора А. Кот Бетховен (рыжий). Невезение с сентября. Смотрит Никиту. Серая нитка — в кремль?? Оплата: обещала научить Гашу гаммам».

— Не смотрите пока, — сказала Василиса. — Мальчика. Недели две. — Пауза. — И коту не показывайте.

— А удача?

Василиса посмотрела на рыжего. На серую нитку-репейник. Тоненькую. Пока.

— Поставьте ему на балкон сетку, — сказала она. — Это не магия. Это — на всякий случай.

Вечером Никита пришёл сам.

Не к Василисе — к Модесту. Он всегда так делал. С девяти лет. Заходил, садился на лавку у печки, говорил «здрась-

те, Модест» — и сидел. Иногда — час. Модест ему не отвечал. То есть отвечал, но Никита слышал «мяу». Ему, кажется, было не важно.

В этот раз он сел на лавку. Положил на колени телефон. И сказал — Модесту, не Василисе:

— Модест. Мне нужен совет.

Модест на печке открыл один глаз.

— Двести двадцать два года, — сказал он. — Наконец-то.

— Мне нужен контент, — сказал Никита. — Настоящий. — Пауза. — Заброшки кончились. Цех НПЗ был. Шахта под Монгорой была. Бункер на Батраках был. Подвал старой больницы был. — Он загибал пальцы. — Подписчики говорят — скучно. Говорят — «Никитос, ты ничего не боишься, это фейк». — Ещё пауза. — А я и правда не боюсь. После ночника.

Василиса стояла у плиты. Слушала. Не оборачивалась.

— Мне нужно место, — продолжал Никита, — где по-настоящему. Где что-то есть. Чтобы подписчики увидели — и обалдели. — Он посмотрел на Модеста. — Ты двести лет живёшь. Ты знаешь. Где в Сызрани — по-настоящему страшно?

Модест долго смотрел на него.

Потом медленно, очень медленно, сел на печке. Обвил лапы хвостом.

— Васёна, — сказал он. Не Никите. Ей. — Скажи ему. Слово в слово. — Пауза. — «Не буди лихо, пока оно тихо».

Василиса обернулась.

— Никита, — сказала она. — Модест говорит: не буди лихо, пока оно тихо.

Никита посмотрел на кота. На Василису. Улыбнулся. Широко. По-мальчишески. С брекетами.

— Это поговорка, — сказал он.

— Да, — сказала Василиса.

— А где оно? Лихо?

Модест на печке замер.

Василиса тоже.

Никита смотрел на них по очереди. Пятнадцать лет. Капюшон. Брекеты. Глаза — горят.

— Вы знаете, — сказал он. Медленно. — Вы оба — знаете. — Пауза. — Я по вам вижу. У тебя, Модест, хвост дёрнулся. А у вас, Василиса Андреевна, — он замолчал. Присмотрелся. — У вас вокруг головы стало… серо. На секунду.

Василиса медленно положила ложку на стол.

— Что стало?

— Серо, — повторил Никита. Пожал плечами. — Я иногда вижу. С детства. Вокруг людей — цвета. Ну, как ниточки. Тонкие. — Он смутился. — Я никому не говорил. Мама думает — у меня со зрением. Возила к окулисту. Окулист сказал — всё нормально.

На кухне стало очень тихо.

Из-под печки высунулся Фрол Евсеич. Посмотрел на Никиту. Долго. Круглыми глазами.

Никита посмотрел на пол. На то место, где высунулся до-

мовой.

— Здрасьте, — сказал он неуверенно. — А вы кто?

Фрол Евсеич убрался под печку. Мгновенно. Как черепаха в панцирь.

— Ох ты, — донеслось оттуда. Глухо. — Ох ты ж, девка.

Никита моргнул.

— Там кто-то был, — сказал он. — Маленький. С бородой. — Пауза. — Или мне показалось?

Василиса подошла к лавке. Села рядом с ним. Посмотрела ему в лицо.

Повернула ручку настройки.

Нитки у Никиты были. Много. Яркие. Мальчишеские. Беспорядочные — во все стороны, как волосы после сна. К маме. К школе. К телефону — толстая, горячая. К подписчикам — сто сорок тысяч тонюсеньких, как паутина. К Модесту — тёплая, старая, с девяти лет. К ней.

И ещё — одна. Которой у обычных людей не бывает.

Изнутри. Из-за глаз. Тонкая. Золотая. Как у Гаши. Как у Алёши. Как у неё самой.

Ручка настройки.

У Никиты Тарасова — пятнадцать лет, «НИКИТОС НОЧЬЮ», сто сорок тысяч подписчиков — была ручка настройки.

Маленькая. Заржавевшая. Никто никогда не учил её поворачивать.

Но — была.

— Никита, — сказала Василиса. Осторожно. — Ты сейчас что-нибудь видишь? Вокруг меня?

Никита прищурился.

— Ниточки, — сказал он. — Много. К коту. К детям — они там, в комнате. К печке. — Пауза. — И одна — вниз. В пол. Толстая. Как канат. — Он посмотрел в пол. — Что там?

— Узел, — сказала Василиса.

— Какой узел?

Модест спрыгнул с печки. Подошёл. Сел перед Никитой. Посмотрел на него снизу вверх. Жёлтыми глазами.

— Никита, — сказал он.

Никита вздрогнул.

Всем телом.

— Он… — Никита смотрел на кота. — Он сказал… «Никита»?

— Сказал, — подтвердила Василиса.

— Я слышал. Не «мяу». «Никита». — Никита сглотнул. — Он со мной шесть лет «мяу». А сейчас…

— Ты теперь слышишь, — сказал Модест. — Потому что повернул. Чуть-чуть. Сам того не зная. — Пауза. — Слушай меня внимательно, Никита. Двести двадцать два года. Я тебе один раз скажу.

— Слушаю, — прошептал Никита.

— Не ищи лихо, — сказал Модест. — Не ищи. Не надо.

Никита смотрел на кота. Долго.

Потом медленно кивнул.

— Ладно, — сказал он.

И Василиса — Василиса потом сто раз это вспоминала — видела, как у него в глазах, за брекетами, за капюшоном, за кивком, — горит. Мальчишеское. Упрямое. Пятнадцатилетнее.

Не «ладно».

«Где?»

Он ушёл через полчаса. Калитка пропела ему вслед. Тревожно. Длинно. С подвыванием.

Ночью Василиса не спала.

В три часа телефон на тумбочке завибрировал. Уведомление. С канала, на который она подписалась вечером — после Элеоноры Аркадьевны.

«НИКИТОС НОЧЬЮ начал прямую трансляцию: „СПАССКАЯ БАШНЯ. ПОДВАЛ. ЛИХО. НЕ ФЕЙК“».

Глава 2. Спасская башня

Трансляцию смотрели четыре тысячи человек. В три часа ночи. Василиса видела цифру в углу экрана. Она росла.

На экране было темно. Потом — фонарик. Луч. Кирпич. Старый, красный, крошащийся. Сводчатый потолок — низко, над самой головой. Паутина. Голос — Никитин, шёпотом, то басом, то фальцетом:

— Короче. Я внутри. Спасская башня. Шестнадцать восемьдесят третий год. Это — последнее, что осталось от крепости. — Пауза. — Сюда никто не ходит. Решётка на подвале — с советских времён. Я её открыл. Не спрашивайте как.

Комментарии бежали сбоку. Быстро.

«аааaа никитос ты псих»

«фейк 100%»

«сзади!!! сзади что-то!!!»

«это сызрань? я там был, там скучно»

Василиса уже надевала джинсы. Одной рукой. Другой — держала телефон.

— Егор, — сказала она. — Егор. Вставай.

Егор встал. Сразу. Как по тревоге.

— Что?

— Никита. В Спасской башне. В подвале. Сейчас.

Егор посмотрел на экран. Помолчал секунду.

— Решётка на подвале, — сказал он. — Там замок. Я сам

проверял. Весной.

— Он его открыл.

Егор уже надевал форму.

Модест спрыгнул с Гашиной кроватки. Без звука. Сел у двери.

— Я с вами, — сказал он.

— Модест…

— Я ему сказал «не ищи», — сказал кот. — Он нашёл. — Пауза. — Значит, я плохо сказал.

На экране Никита шёл по подвалу. Медленно. Луч фонарика выхватывал кирпич, кирпич, кирпич. Потом — нишу. В нише — что-то белое. Кости? Нет — Василиса присмотрелась на бегу, на крыльце, — известь. Старая. Осыпавшаяся.

— Короче, — шептал Никита. — Говорят, тут лихо. Одноглазое. Ну, из сказки. — Пауза. — Мне один… знакомый сказал. Двухсотлетний. — Нервный смешок. — Он сказал — «не буди». — Ещё пауза. — Так что мы его — разбудим. Ок? Ставьте лайки, если ок.

Лайки посыпались. Сердечки. Сотни.

Шесть тысяч зрителей.

Они ехали на служебной машине. Егор — за рулём. Василиса — рядом. Модест — у неё на коленях. По пустой ночной Сызрани. Мимо тёмных пятиэтажек. Мимо закрытого «Магнита». Вниз — к кремлю.

На экране Никита дошёл до конца подвала.

Стена. Кирпичная. Глухая. А в стене — дверь. Маленькая.

Низкая — по пояс. Деревянная. Чёрная. Обитая железными полосами. Ржавыми. На двери — ни ручки, ни замка.

Только — знак.

Вырезанный. Глубоко. В дереве. Старый.

Василиса узнала его сразу. Хотя никогда не видела.

Узел.

Тот самый. Бабушкин. Каким его рисуют в Гроссбухе на первой странице — Агафья нарисовала, Василиса сто раз видела. Переплетение. Восьмёрка, сложенная трижды. И в середине — точка.

— Ого, — сказал Никита на экране. Шёпотом. Без фальцета. — Ого. — Пауза. — Тут дверь. Маленькая. С каким-то… символом. — Он поднёс фонарик ближе. — Ребят. Это — не фейк. Я сам не знаю, что это.

Комментарии стали другие.

«не открывай»

«никитос не надо»

«ОТКРЫВАЙ!!!»

«открывай трус»

«мне страшно реально»

«это постановка»

Двенадцать тысяч зрителей.

— Он не откроет, — сказала Василиса. Вслух. Себе. — Он не откроет. Он же сказал Модесту — «ладно».

Модест у неё на коленях ничего не сказал.

На экране Никита стоял перед маленькой дверью. Долго.

Луч фонарика дрожал.

Потом он поднял руку. Положил ладонь на дверь. На вырезанный узел.

— Ладно, — сказал он. В камеру. — Я просто постучу. Три раза. Как в фильмах. — Нервный смешок. — Если там кто-то есть — пусть выйдет. Если нет — значит, фейк, и я пошёл домой спать. — Пауза. — Мама, если смотришь, — я ночевал у Тёмыча.

Он постучал.

Раз.

Два.

Три.

Тишина.

Двадцать тысяч зрителей.

Никита ждал. Секунду. Пять. Десять.

— Ну вот, — сказал он. Облегчённо. — Фейк. Я ж говорил. Ладно, ребят, всем спасибо, подписы…

Дверь открылась.

Сама. Внутрь. Медленно. Без скрипа.

За ней — темнота. Совсем. Такая, что луч фонарика в неё не входил. Упирался — как в стену.

И из этой темноты — Василиса видела на экране, двадцать тысяч человек видели на экранах, — посмотрел глаз.

Один.

Большой. Круглый. Мутно-жёлтый. Как фонарь в тумане. Как луна сквозь грязное стекло. Без ресниц. Без брови. Без

век — почти. Под ним — ничего. Над ним — ничего. Просто — глаз. В темноте. Посредине.

Глаз моргнул. Медленно. Сонно.

И посмотрел — прямо в камеру.

Трансляция оборвалась.

Чёрный экран. «Прямая трансляция завершена».

Василиса смотрела на чёрный экран.

Егор выжал газ.

У Спасской башни никого не было.

Башня стояла на горе. Над городом. Над Волгой. Тёмная. Кирпичная. Квадратная. С шатром наверху. Триста сорок девять лет. Последнее, что осталось от крепости.

Внизу, у подножия, — решётка подвала. Открытая. Замок — висел на дужке. Разогнутый. Как будто его не открывали, а он сам — раскрылся.

Егор полез первым. С фонарём. Василиса — за ним. Модест — впереди обоих.

Подвал был таким, как на экране. Кирпич. Своды. Паутина. Известь в нишах. Холодно — по-подземному. Сыро.

Никиту они нашли у дальней стены. Он сидел на полу. Спиной к кирпичу. Обхватив колени руками. Телефон лежал рядом — экраном вниз. Фонарик — рядом. Погасший.

Маленькая дверь в стене — была закрыта.

— Никита! — Егор присел перед ним. — Никита. Ты цел?

Никита поднял голову. Белый. Совсем. Губы — серые.

— Цел, — сказал он. Голос — тонкий. Детский. Как в де-

вять лет. — Дядя Егор. Я цел. — Пауза. — Я — ничего. Я просто…

Он не договорил.

Василиса стояла над ним.

И видела.

Повернула ручку настройки — и сразу пожалела.

На Никите — на его плечах, на спине, на капюшоне, — сидело.

Длинное. Тощее. Серое. Как жердь. Как высохшая ветка. Как старуха, если бы старуху вытянуть вдвое, высушить и обтянуть кожей цвета пыли. Руки — длинные, костлявые, с длинными пальцами — обнимали Никиту за шею. Ноги — длинные, костлявые — обвивали его поясницу. Как рюкзак. Как ребёнок, которого несут на закорках.

Головы не было. Почти. Был — глаз. Один. Большой. Мутно-жёлтый. Посредине того, что могло бы быть лицом. Над Никитиным плечом.

Глаз был полузакрыт. Сонный. Раздражённый. Как у человека, которого разбудили в три часа ночи стуком в дверь.

Глаз посмотрел на Василису.

И Василиса почувствовала — как по позвоночнику прошло холодом. И ещё — как у неё в кармане, в куртке, — с треском — лопнул экран телефона. Сам. От взгляда.

— Здравствуйте, — сказала Василиса. Ровно. Хотя голос хотел дрожать.

Глаз смотрел на неё. Долго. Мутно.

Потом — откуда-то из серого, тощего, длинного — донёсся голос. Скрипучий. Сухой. Как старая дверь, которую открыли через триста лет.

— Ш-ш-што, — сказало Лихо. — Ш-ш-шумно. — Пауза. — Разбудили. — Ещё пауза. — Ш-ш-шпать хочу.

— Отпустите его, — сказала Василиса. — Пожалуйста. Он мальчик. Он не знал.

Глаз моргнул. Медленно.

— Не могу, — проскрипело Лихо. — Ш-ш-штучал. Разбудил. — Пауза. — Кто разбудил — того держу. Пока ш-ш-шпать не уложит. — Ещё пауза. — Так положено. Ш-ш-шамо не уйду.

— А как его уложить?

Глаз посмотрел на неё. Почти — с насмешкой.

— Как в прошлый раз, — сказало Лихо. — Ш-ш-шпроси у той. Которая с узлом. — Пауза. — Она знала.

И закрыло глаз. Совсем. Обняло Никиту длинными серыми руками — крепче. Положило то, что было вместо головы, ему на плечо.

И засопело. Тихо. Скрипуче. Как старый дом во сне.

Никита сидел на полу подвала. Под Лихом. Не видя его. Не чувствуя — или чувствуя, но не понимая.

— Василиса Андреевна, — сказал он. Тонким голосом. — Мне тяжело. — Пауза. — Как будто рюкзак. С кирпичами. — Ещё пауза. — Я его снял. Рюкзак. Ещё у двери. А всё равно — тяжело.

Модест подошёл к нему. Сел рядом. Посмотрел на спящее Лихо у Никиты на спине. Долго.

Потом — посмотрел на Никиту.

— Я тебе говорил, — сказал он. Тихо. Без злости. — Не буди.

Никита посмотрел на кота.

Он слышал. Василиса видела по лицу — слышал каждое слово.

— Говорил, — сказал Никита. И заплакал. Не как пятнадцатилетний. Как девятилетний. Который боится темноты.

Егор поднял его на руки. Пятнадцатилетнего. Длинного. В капюшоне. Как маленького.

И Лихо на его спине — Василиса видела — даже не проснулось. Только перехватило длинными пальцами поудобнее.

Когда они вылезли из подвала, у Егора в кармане запищала рация. Сама. Без вызова. Потом замолчала. И больше не включалась.

У служебной машины спустило колесо. Переднее. Правое. Без гвоздя. Без прокола. Просто — спустило.

А когда Егор, чертыхаясь, полез в багажник за запаской, — с неба, с ясного, звёздного, октябрьского, без единого облака, — пошёл дождь.

Только над машиной. Только над ними.

Холодный. Мелкий. Противный.

— Это оно, — сказал Модест. Мокрый. В машине. Сквозь

зубы. — Невезение. — Пауза. — Началось.

Глава 3. Невезение

Никита проснулся на Василисином диване в семь утра. И первым делом упал с него.

Не скатился. Не свалился во сне. Встал — и упал. Ровно. Лицом вниз. На ковёр. Как будто кто-то подставил ногу.

— Нормально, — сказал он с пола. — Я нормально.

Он поднялся. Пошёл на кухню. Наступил на Гашин кубик — единственный кубик, который Гаша забыла убрать, посредине коридора, — и упал снова.

— Нормально, — сказал он.

На кухне он сел на табуретку. Табуретка — бабушкина, дубовая, сто лет простояла — треснула. Пополам. Тихо. Аккуратно. Никита сидел на полу между двумя половинками. С серым лицом.

— Нормально, — сказал он. Уже без уверенности.

Устя за печкой перестала прясть.

Фрол Евсеич вылез из-под печки, посмотрел на треснувшую табуретку и сказал: «Ох». Потом посмотрел на Никиту — на то, что сидело у Никиты на спине. Серое. Длинное. Спящее. И сказал: «Ох ты ж».

И залез обратно. Глубже обычного.

Василиса налила Никите чаю.

Чашка лопнула у него в руке. Без звука. Просто — разошлась по шву. Чай вылился на джинсы. Горячий.

Никита сидел с мокрыми коленями. С ручкой от чашки в пальцах.

— Василиса Андреевна, — сказал он. Тихо. — Это — оно?

— Оно.

— Оно на мне?

— На тебе.

Никита медленно повернул голову. Посмотрел через плечо. Себе за спину.

— Я не вижу, — сказал он. — Я ниточки вижу. Ваши. Модестовы. А его — нет. — Пауза. — Только — серо. Вокруг. Как туман.

— Повернись, — сказала Василиса. — Внутри. Где глаза. Как будто ручку крутишь. У приёмника. Старого.

Никита закрыл глаза. Нахмурился. Сильно. Как будто решал задачу по алгебре.

Открыл.

И закричал.

Не громко. Коротко. Как кричат, когда наступают на гвоздь.

Потому что увидел. Через плечо. Серую, длинную, костлявую руку у себя на груди. Длинные пальцы. Ногти — как у старого дерева кора. И над плечом — глаз. Закрытый. Сонный. Огромный.

Глаз приоткрылся. На щёлочку. Посмотрел на Никиту. Мутно.

— Ш-ш-шумно, — проскрипело Лихо. — Не кричи. Ш-ш-шплю.

И закрылось обратно.

Никита сидел на полу. Не двигаясь. Не дыша.

— Оно… говорит, — сказал он. Шёпотом.

— Говорит, — согласилась Василиса.

— Оно сказало — «не кричи».

— Сказало.

Никита сглотнул.

— Оно — тяжёлое, — сказал он. — Василиса Андреевна. Оно такое тяжёлое.

К обеду список был такой.

Василиса записывала. Не в Гроссбух — на листке. Чтобы потом переписать.

07:02 — упал с дивана.

07:04 — упал в коридоре (кубик).

07:06 — табуретка (бабушкина, дубовая) — пополам.

07:09 — чашка — лопнула.

07:40 — у Никиты сломалась молния на куртке. Обе молнии. На куртке и на рюкзаке.

08:15 — Никита пошёл в школу. Не дошёл. На углу Ульяновской его облила грузовая машина из лужи. В луже не было воды — был песок. Песок облил.

08:30 — вернулся. Сел на крыльцо. Крыльцо — ступенька — провалилась. Доска. Сгнила. За секунду. Фрол Евсеич сказал, что доска была новая, Егор менял весной.

09:00 — позвонила мама Никиты. Ирина Тарасова. Сорок один год. Кассир в «Пятёрочке». Одна растит сына с двенадцатого года. Сказала — «у меня на работе касса сгорела. Прямо подо мной. Никита у вас? Он не берёт трубку». Никита не брал трубку, потому что его телефон — экраном вниз, на столе — перестал включаться в семь утра. Окончательно.

10:30 — у Никиты пошла носом кровь. Сильно. Устя остановила. Травами.

11:00 — Никита уснул на лавке. Лихо на нём — тоже. Пока спали — ничего не происходило.

12:00 — проснулся. Сразу — молния (уже третья, на джинсах).

Василиса смотрела на список.

Модест сидел на столе. Тоже смотрел.

— Это пока он с нами, — сказал Модест. — В доме. Под Фролом. Под узлом. — Пауза. — Тут — защищено. Тут — только табуретки и чашки. — Ещё пауза. — А если он выйдет?

— Он выходил. В школу.

— До угла, — сказал Модест. — И его облило песком. — Он помолчал. — Васёна. Это не просто невезение. Это — Лихо. Оно невезение — не делает. Оно его — тянет. К себе. Как магнит — опилки. — Пауза. — Всё плохое, что могло бы случиться с кем угодно в Сызрани, — тянется теперь к Никите. Табуретка могла треснуть через двадцать лет. Под кем-то. — Ещё пауза. — Треснула сегодня. Под ним.

Василиса молчала.

— Чем дольше оно на нём, — сказал Модест, — тем сильнее тянет. — Пауза. — Сегодня — табуретки. Завтра — машины. Послезавтра — я не знаю.

Ирина Тарасова приехала в два часа. На такси.

Такси у калитки заглохло. Совсем. Водитель вышел, открыл капот, посмотрел, закрыл, сказал нехорошее слово и сел ждать эвакуатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.